

Разговор о личном

С.В. ЗОТОВА,
доцент

Последняя пара закончилась. На кафедре, всегда многолюдной, нас двое — я и Михаил Ростиславович Львов. Он стоит у стола и медленно, задумчиво перебирает бумаги. Интеллигентное, умное лицо, внимательный, доброжелательный взгляд. Решаюсь заговорить о личном, узнать, что давно меня интересует: почему он выбрал своим делом именно педагогику?

— Почему? — Михаил Ростиславович улыбается моему наивному вопросу. То, что мой вопрос наивен, я пойму потом, а пока...

Он молчит, затем, немного колеблясь, произносит:

— Не знаю, можно ли сейчас уже об этом рассказывать... Я никому об этом не говорил еще. Думаю, все-таки можно...

Не вполне понимаю его сомнения. Почему нельзя?

Он продолжает, взглядываясь в даль своих воспоминаний:

— Я родился в Литве, в семье белогвардейского офицера. Отец бежал из России вместе с армией Деникина и обосновался в литовском поместье бабушки. Жили скромно, но не бедствовали. А потом Литва стала частью СССР, отца арестовали, а нас с мамой отправили в ссылку, в небольшой городок под Барнаулом.

Замолкает. Вопросов «Как?», «Когда?» не задаю (о чем впоследствии буду жалеть), пораженная сразу всем. Сначала — тем, что пытаюсь и ...не могу представить, какие чувства могли возникнуть у четырнадцатилетнего юноши, жизнь которого так резко изменилась — немыслимо! необъяснимо! Потом — тем, какую выдержку должен был иметь умный, взрослый, зрелый человек на протяжении почти всей своей жизни (до начала 2000-х!), старающийся вслух не вспоминать о своем детстве, о своем дворянском происхождении...

— А дальше?

— Дальше? Ну, поселили в избу — печь, колодец во дворе. Надо было помогать

семье. Кем я только не работал! Грузчиком, кузнецом, сапожником...

— Сапожником? — недоверчиво улыбаюсь.

— Между прочим, неплохим, — смеется в ответ. — И надо сказать, это умение в жизни мне очень пригодилось.

— И долго вы так работали?

— Пока не пошел учиться. Потом стал уже работать учителем.

— Где учились?

— Я подавал несколько раз документы на заочное отделение Барнаульского педагогического института — на очном ссыльным не разрешали учиться.

— Почему несколько раз? Почему не разрешали? — опять задаю наивные вопросы.

Михаил Ростиславович отвечает медленно, обдумывая слова:

— Ссылные тогда должны были каждую неделю отмечаться в специальном отделе при милиции. Если не придешь в установленное время, тебя объявляют в розыск... Чтобы учиться даже на заочном отделении, нужно было получить специальное разрешение на выезд — сессия обычно длилась дольше недели. В первый раз я собрал все документы и, как положено, подал их за месяц до начала вступительных экзаменов. Конечно, разрешение не было получено, мои кураторы специально их задержали, не успели оформить. В другой раз я подавал документы уже за три месяца и каждый раз, приходя отмечаться, интересовался их судьбой. По закону мне отказать не могли и, видя мою настойчивость, разрешение дали.

— Погодите, — упорствую я. — Так почему вы поступали именно в педагогический? Почему не выбрали другой вуз — медицинский или технический? Или в Барнауле других не было?

— Почему не было? Были, — продолжает с усмешкой. — Просто неблагонадежных

в другие вузы не принимали — вдруг вред какой принесем народному хозяйству. А детишек учить, особенно маленьких, — ничего страшного.

И тут мне вспомнился рассказ еще одного педагога нашей кафедры, замечательной Шарлотты Вильгельмовны (Вильевны) Журжиной, дочери немецкого инженера-коммуниста, который приехал в начале 30-х годов XX в. в Советскую Россию строить заводы. Конечно, уже в конце 30-х он был репрессирован, потом расстрелян. Шарлотта Вильгельмовна, вспоминая о своем московском детдомовском детстве, отмечала удивительный факт: в школе у них занятия вели прекрасные педагоги — жены расстрелянных или репрессированных «врагов народа», часто дворянского рода и прекрасно образованные. Кроме того, с удовольствием добавляла она, занятия по хореографии у них проводил сам Игорь Моисеев, тогда еще очень молодой.

Неужели их рассказы, что репрессированным разрешалось учиться только в педагогических вузах, — простое совпадение? Вряд ли. Может быть, советская власть действительно полагала, что воспитание детей — дело второстепенное и им могут заниматься не вполне лояльные режиму люди? Или, возможно, власти все же понимали: без таких людей, хорошо образованных, внутренне свободных, имеющих нравственные убеждения и — часто! — веру, послевоенную школу не поднять, систему образования, необходимую будущим строителям коммунизма, не создать? Какой бы ни была логика, но, может быть, именно этот удивительный факт способствовал тому, что уже в 70-е годы XX в. советская система школьного образования стала одной из самых лучших в мире.

...Мы молчали, глядя в окно. Вдалеке, в синюющих сумерках, на горизонте, еще не

загроможденном силуэтами высоток, тогда можно было различить шпиль главного здания МГУ.

— Я ведь не потому в педагогический пошел, что больше никуда не брали, — произнес Михаил Ростиславович, — я хотел изучать родной язык и литературу, мне всегда это было интересно, а в педагогическом был такой факультет... Я даже стихи писал... Когда уже можно было (так он аккуратно говорил о процессе реабилитации после смерти Сталина), сразу поехал в Москву поступать в аспирантуру. Ну а дальше про меня уже все известно, — грустно улыбнулся он.

Я слушала Михаила Ростиславовича и начинала понимать, почему в начале 80-х он, будучи заведующим нашей кафедры, кафедры русского языка на факультете начальных классов Московского государственного педагогического института (тогда еще имени Ленина), принял на работу опальных ученых, выгнанных из Института русского языка¹ за «сочувствие к диссидентскому движению». Почему, долгое время возглавляя диссертационный совет МПГУ, так возмущительно-снисходительно относился к аспирантам, которые «не укладывались» во временные, мировоззренческие и другие рамки. Почему при нем кафедра стала коллективом единомышленников, которые в условиях полной творческой свободы сохраняли высокий уровень нравственной культуры общения. Почему о нем так восторженно говорят его ученики, коллеги — люди, которым с ним довелось общаться. Просто Михаил Ростиславович Львов был сыном суровой эпохи, выучившим ее важнейший урок: главное в любом деле — это *человек*; в самой сложной жизненной ситуации нужно оставаться *человеком*; ценить не просто науку, а *личность* в ней, уважать интересы и стремления *человека*; быть всегда на стороне *человека*.

¹ Впоследствии Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — *Ред.*